



Во всем виноват толстяк — он им так и скажет. Во всем виноват Франко Андраде, одержимый страстью к сеньоре Мариан. Поло всего лишь подчинялся ему, беспрекословно исполнял все его приказы. Франко просто спятил из-за этой женщины, и Поло слушал и слушал, как этот хмырь уже несколько недель твердит только, как трахнет ее, как, культурно выражаясь, будет обладать ею, и, будто заевшая пластинка, твердил одно и то же, уставив неизвестно куда воспаленные от выпитого глаза, растопырив пальцы, облепленные тертым сыром — таким жирным, что сколько ни облизывай, не отчистишь, пока не умнешь всю тройную порцию. Я засажу ей вот так, бормотал он, остановившись на краю причала, засажу вот так, а потом раком поставлю, и тылом ладони утирал слюни, и улыбался от уха до уха,

*Фернанда Мельчор*

выставляя напоказ зубищи свои — крупные, белые и ровные, как на рекламе зубной пасты — стиснутые от бешеной страсти, и все его студенистое тело содрогалось в похабной пантомиме совокупления, и Поло отводил взгляд, смеялся через силу и, благо толстяк не видит, прикладывался к бутылке, закуривал очередную сигарету и с силой выдувал дым вверх, отгоняя свирепых москитов, водящихся в мангровых лесах. Толстяк устраивает все это просто так, веселья ради и для развлечения, чтобы почесать язык, позубоскалить между двумя обжигающими глотками, думал Поло, по крайней мере, поначалу, в первые их пьянки на молу, в самой темной части маленького бревенчатого причала, тянувшегося вдоль реки, там, куда свет с террасы не дотягивался, а ветви смоковницы укрывали от глаз охранника и от обитателей дома — особенно бабушки и деда, которых, по его словам, хватит удар при виде того, как их *мальчуган* употребляет спиртное и курит, и один бог знает, какими еще гадостями занимается, да еще, что уж совсем ни в какие ворота, в компании парня из об-

*слуги*, как называл болван Уркиса тех, кто работал здесь: не больше и не меньше как садовника из этого жилого комплекса; это грандиозный скандал, это злоупотребление доверием, заслуживающее увольнения, на что Поло, впрочем, было наплевать, потому что он в таком случае покинул бы этот злоебучий комплекс раз и навсегда, но засада в том, что тогда рано или поздно придется вернуться домой, а дома ждет его оглушительная ссора с матерью, и, хотя эта перспектива казалась ему отвратительной — если не сказать откровенно пугающей, — сопротивляться он не мог. Не в силах он был сказать «нет», когда этот засранец подавал ему знаки из окна; не хотел отказываться от общения на молу с этим придурком, хоть тот и надоел ему до смерти своими всегдашними бреднями и своей одержимостью соседкой, в которую с первого взгляда и без памяти влюбился в конце мая, когда семейство Мароньо на белом «Гранд-Чероки», за рулем которого сидела сама сеньора Мариан, приехало в жилой комплекс «Парадайс», чтобы официально получить ключи от своего нового обиталища.

Поло прекрасно помнил этот день; он с интересом наблюдал, как дама ведет машину, а муж сидит в кресле второго пилота, когда стекло, зажужжав, опустилось и порыв холодного воздуха ударил ему в мокрое от пота лицо. Глаза женщины были полностью скрыты темными очками, на поверхности которых Поло увидел свое отражение, а она тем временем объясняла, кто они такие и зачем приехали: губы ее были густо намазаны кричаще-красной помадой, а когда в благодарность за то, что Поло наконец открыл шлагбаум, она помахала голой рукой, серебряные браслеты на ней зазвенели, как музыкальные подвески. Дама была как дама и впечатления на него не произвела. Такая же, как все остальные дамы, жившие в белых особнячках этого комплекса: в неизменных черных очках, и даже сквозь затененные лобовые стекла громадных автомобилей видно, какие они всегда свежие и вылощенные, с безупречным маникюром, с уложенными и подкрашенными волосами — но при этом вблизи вовсе не похожие на существ из другого мира, и уж точно не из-за чего с ума сходить, как этот жирдяй,

совсем не из-за чего. Они, конечно, узнали ее по фотографиям: муж у нее был знаменитость, вел собственную программу на телевидении, и время от времени в светской хронике появлялись снимки всех четверых: муж — лысый и приземистый, неизменно в костюме и сорочке с длинными рукавами, несмотря на адову жару, двое благонаправных сопляков сыновей и она, привлекавшая внимание красными губами и искрящимися глазами, из-под изогнутых бровей улыбававшихся тебе лукаво и кокетливо; в туфлях на платформе она возвышалась над мужем, стояла подбоченясь, волосы распущены по плечам, и шею украшают несколько витков эффектного ожерелья. Да, вот именно это слово: она была не столько красива, сколько эффектна, соблазнительна и будто создана для того, чтобы изгибы выточенного в спортзале тела и ноги, закрытые до середины бедра шелковыми юбочками или светло-льняными шортиками, подчеркивавшими по контрасту всегдашнюю бронзовую смуглоту, притягивали к себе взгляды. Задница недурная, но ничего особенного собой не представляла, хотя и сохра-

Фернанда Мельчор

няла товарный вид: обладательнице ее еще удавалось успешно скрывать пробег, растяжки и ущерб, причиненный рождением двоих детей (старший был уже вполне себе юноша), благодаря кремам, роскошным тряпкам и тому ритмичному, скрупулезно выверенному покачиванию, с которым сеньора, шла ли она на высоких каблуках или в сандалиях, или босиком по траве, несла ее повсюду, заставляя добрую половину комплекса оборачиваться вслед. А ей не того ли и надо было? Чтоб смотрели на нее с вожделением, чтобы проход этот вызывал самые грязные мысли. Чтоб ее *хотели* все, не исключая и плешивого супруга: каждый раз, как Поло видел их вместе, тот распускал руки — то обхватывал за талию, то похлопывал ниже спины, то щупал ляжку с горделивым видом собственника, вбивающего заявочный столб или озирающего тучные стада, а она улыбалась как ни в чем не бывало, довольная тем, что вызывает восхищение, и именно поэтому Поло перебарывал инстинктивное напряжение шейных мышц, машинальное побуждение повернуть голову, проводить взглядом траекторию ко-

лышущихся полушарий, весело и непринужденно несомых вдоль по улочкам комплекса, потому что не желал, чтобы кто-нибудь — ни хозяйка, ни супруг, ни сыновья или придурок Уркиса, но прежде всего, конечно, она сама, старая сучка, — заметил, как он смотрит на нее, как мусолит взглядом сощуренных глаз, приоткрыв рот и пуская слюни не хуже жирного придурка, когда тот следит за ней издали. Было так *очевидно*, что он с ума по ней сходит, да он и скрыть это не мог, и даже Поло в конце концов заметил, а произошло это, когда семейство Мароньо в конце мая вселилось в коттедж номер семь, и Поло в ту пору еще не задружился с Франко Андраде, и еще неизвестно было, когда будут праздновать день рождения Мики, с которым они в ту пору еще и двумя словами не перекинулись. Но совсем невозможно было не заметить толстяка, когда тот в полном одиночестве и вечно без дела слонялся по мощеным улицам комплекса — толстопузый, с красной, покрытой цветущими прыщами рожей под шапкой кудрявых белокурых волос, придававших ему нелепое сходство с раскормленным херуви-



мом, а лишённые всякого выражения глаза оживали только при виде сеньоры Мароньо, которую он неустанно выслеживал с того дня, как она сюда переехала. Только слепец или полный придурок не понял бы отчаянных стараний оказаться рядом с соседкой всякий раз, как она появлялась в саду и начинала резвиться со своими детишками, причем в одних лайкровых шортиках и спортивном лифчике, очень скоро прилипавшем к телу, потому что они обливали друг друга водой, со смехом борясь за обладание шлангом: белобрысый жирдяй бегом выбегал из своего дома якобы мыть семейную машину, каковая процедура с недавних пор перестала быть для него тягостной обязанностью, и он брался за исполнение, не дожидаясь, как раньше, пока дед или бабушка наорут на него либо пригрозят отнять компьютер или телефон. И вот ведь какое совпадение — стоило лишь сеньоре в купальнике выйти на террасу позагорать, через три минуты появлялся этот слоноподобный увалень в плавках, едва налезавших на него, в футболке размером с палатку, призванной замаскировать его необозримую, невообразимую

тушу, в темных очках, закрывающих глаза, просто прикованные к лоснящимся от масла для загара округлостям дамы, лежавшей в двух шагах от него и абсолютно безразличной к похотливым вздохам засранца и к его неуклюжим стараниям так пристроить свой торчун, чтобы не бросался в глаза. Но жальче всего выглядели его неустанные попытки подружиться с обоими ее отпрысками — долговязым Андресом и неженкой Мигелем, среди соседей по комплексу больше известными под именами Энди и Мики, — и один бог знает, на кой супругам Мароньо понадобилась эта претенциозная глупость, — и с какого боку были тут имена, принятые у гринго, — ради того, чтобы самому когда-нибудь присосаться к выкормившим их грудям, и смехотворное это было зрелище, когда толстяк, сопя как буйвол, мчался в утлой надежде перехватить мяч, который финтами вел Энди, когда пресмыкался и стелился, выполняя все прихоти капризного Мики, — и все для того, чтобы завоевать право на приглашение к полднику к соседям, где он, хоть на несколько мимолетных мгновений, сможет на-

*Фернанда Мельчор*

слаждаться обществом владычицы его мечтаний, королевы и звезды его самых разнuzданных фантазий, повелительницы того липкого потока, который он извергал из себя каждую божию ночь, прихватывая порой и рассвет, воображая себе ее чувственные губы, округлый зад, пышные груди, ворочаясь без сна в жару страсти, которую вселила в него эта женщина в ту самую минуту, когда он впервые увидел, как она вылезает из своего белого джипа, в нем тогда будто запуззырился ледяной кипятком, напомнив о шампанском, которое его бабка с дедом пили на Новый год, а потом, когда они соловели и задремывали, он сам тайком прихлебывал; при ней голова у него шла кругом, а без нее он томился тоской и пустотой, как если бы в душе внезапно произошел тектонический слом, и так случалось каждый вечер, когда надо было уходить из гостей, потому что вернулся с работы сеньор Мароньо, и детям пора было умываться и доканчивать уроки, и сеньора Мароньо умильным и ласковым голоском просила его идти домой, пожалуйста, уже поздно, и бабушка с дедушкой, конечно, уже гадают, куда

это он запропал, и дружески похлопывала его по спине, с улыбкой провожая до ворот, и толстяку ничего не оставалось, как понуро подчиниться и чувствовать, как еще щекочет ему ноздри исходивший от нее аромат — по его словам, смесь духов «Каролина Эррера», сигарет с ментолом и терпкого привкуса пота в вырезе ее майки, — а дома безуспешно пытаться заполнить эту растущую пустоту телесериалами и похабными карикатурами, за которые его бранили бабка с дедом, а также пачками галет, крекеров и печенья и огромными мисками мюслей с молоком, а потом стремглав бежать к себе наверх, запереться в своей комнате с кондиционером, где он мог без помехи пускать ветры и смотреть порнуху на новом ноутбуке, подаренном стариками на прошлый день рождения и до отказа перегруженном неприличными видео, которые он скачивал с форумов и любимых сайтов, а также фотографиями грудей, задов, промежностей, и, хотя все это в ту пору уже стало приедаться ему, он по привычке продолжал часами пялиться в экран. А как еще было унять этот отчаянный жар, сжигавший его изнутри?